

Дмитрий КОРЖОВ

г. Мурманск

Поколение непохожих

Мурманск – особый город. Со своей мелодией, тональностью, своим четко уловимым ритмом. Но, так как город наш еще очень молод, первое поколение, первая волна мурманских поэтов возникла в середине 50-х, а собственная литературная традиция сложилась относительно недавно – в конце 70-х – начале 80-х годов. Так что если мы сегодня говорим о поэтической молодежи Мурманска, то должны сознавать, что речь идет пока лишь о третьем поколении поэтов-мурманчан.

Резонный вопрос для начала: в чем своеобразие стихов этих поэтов, чем отличаются они от стихов их предшественников – поэтов старшего поколения?

Первое и главное отличие, очевидно, бросается в глаза. «Старшие»: Виктор Тимофеев, Владимир Смирнов, Александр Миланов, Владимир Сорокажердьев, Евгений Гулидов, Владимир Семенов – поэты разные и по тематике, и по интонации, но в области формы, техники стиха это все-таки поэты, относящиеся к одной школе. Все они пишут или писали очень традиционно. С точки зрения формы их стихи похожи чрезвычайно – выдержаны в соответствии с классическими канонами русского стихосложения: четко соблюдаемый стихотворный размер, точные ритм и рифмы. Эти стихи лишены каких-либо формальных изысков. Эта поэзия – вне поиска в области формы, авангардных приемов. Она не чужда риторике, отчего, на мой взгляд, многое теряет. Что ж, «старшие» – дети своего времени, той эпохи, в которую писать так не считалось зазорным, было даже, если говорить о риторике коммунистической, в некотором роде нормой. Следует, однако, заметить, что стихи неизменно качественные, добротные. Создавали их, безусловно, профессионалы. Умелые и чуткие. Отнюдь не бесталанные.

Авторы третьего поколения мурманской поэзии, «младшие», и с точки зрения формы совершенно разные. Каждый выбрал наиболее близкое ему направление русской поэзии, которая далеко не однородна, разнолика. Столь же разнолики и тридцатилетние поэты-мурманчане, их стихи. Здесь и следование за обэриутами Олейниковым и Хармсом (Григорий Сыпко), приверженность ленинградской поэтической школе (Вадимир

Трусов), традиционной поэзии (Александр Рыжов), некоторая, порой лишь кажущаяся, близость к авангарду (Александр Абрамов). Помнится, когда Маяковский провозгласил: «Больше поэтов хороших и разных!» В отношении мурманской поэтической молодежи второе пожелание классика можно считать всецело сбывшимся.

Что еще? Долгие годы мурманская поэзия была накрепко связана с морем, так уж сложилось. Морская тема являлась корневой, главной для большинства мурманских писателей. Это, конечно, не случайно. В литературу, в поэзию они приходили оттуда – с моря, с палуб кораблей. Поэты старшего поколения – это, как правило, профессиональные моряки либо ходили когда-то в море. Это и флотские офицеры Евгений Гулидов и Яков Черкасский, и ходившие на рыболовецких судах Владимир Смирнов и Виктор Тимофеев. Были и исключения, например, Семенов и Сорокажердьев, но и они не убереглись от морских стихов.

Среди нынешних пятидесятилетних лишь Игорь Козлов и Олег Бородин ходили в море.

Среди молодых литераторов Мурмана маринистов нет вообще. Тема, столь волновавшая «старших» и давшая краю и русской поэзии множество прекрасных стихов, потеряла для авторов нового поколения свои значимость и очарование. Конечно, связано это в первую очередь с тем, что среди них нет моряков. И почти нет стихов о море. Почему так случилось? Мурманск ведь не перестал быть морским городом, это по-прежнему порт, рядом в Североморске – база Северного флота... И все-таки море за эти годы словно отстранилось от Мурманска и все больше удаляется от него. Морская работа перестала быть столь привлекательной и желанной.

Вообще, если говорить об изменениях в архитектонике стиха и круге избранных тем, то они начались уже в поэзии поэтов-мурманчан второго поколения – стихах тех, что родились в пятидесятые: Борис Орлов, Николай Колычев, Полина Беспрозванная, Татьяна Агапова, Игорь Козлов и других. Воспе не случайно. Нынешние пятидесятилетние восприняли вершины русской поэзии XX века – все, без купюр – от Хармса и Олейникова до Бродского и Рыжего. А посему, к примеру, в стихах Татьяны Агаповой живой, серьезной нотой зазвучал свободный стих, верлибр, а, скажем, отличительной чертой Марины Чистоноговой стала ирония и самоирония, которых у «старших» вы не встретите, они всегда подчеркнута, порой томильно серьёзны.

Впрочем, лидер этого поколения – Николай Ко-

лычев – последовательно традиционен. Тем и силён! Тем и притягателен. Кстати, моря нет и в его стихах. Николаю ближе тема родной земли, взаимоотношений современного урбанистического мира и деревни, природы Кольского Севера, судеб людей, что его населяют. Колычев – поэт подлинно национальный, очень русский – от корней, от истоков России. Тема Родины для него – главная, определяющая. Вековой, исконный уклад русской жизни лежит в основе его поэзии, это стержень, цементирующая идея мира, который создает в своих стихах поэт.

В этой связи нельзя не сказать о взаимоотношениях сегодняшних тридцатилетних с внешним миром, временем, в котором приходится пребывать, с тем, что происходит вокруг сейчас – в эти часы, дни, годы. Эти взаимоотношения сложнее и запутаннее, чем было когда-то у «старших». Мир, в котором они живут, не предоставляет готовых ответов – все приходится постигать самому, без подсказок, выбирать то, что ближе и родней, как в случае с формой стиха. Мир другой, но и поэты, как я уже не раз подчеркивал, другие. Они никому не верят на слово, для них не существует абсолютных истин. Они готовы сомневаться и не боятся сомнений. Окружающий мир интересует их в момент, когда он входит в соприкосновение с их собственным «я».

«Младших» больше занимает постижение тайн собственного внутреннего мира, нежели пересуды о том, что является достоянием времени. Их интересует личность, ее глубинная, потаенная жизнь гораздо больше, чем жизнь общества – с его кумирами, идолами, сенсациями с газетных полос, всем, что составляет предмет заботы журналистов. При этом нельзя сказать, что поэзия «младших» асоциальна. Это не так. Многие стихи Александра Рыжова, Александра Абрамова, Дмитрия Коржова – яркие свидетельства современной эпохи, нашего драматического сегодня. Но они приходят не извне, а – опять-таки – изнутри. Это не есть торопливое старание поэта-ремесленника выразить в слове свое отношение к факту. Это вынужденное, выстраданное сопереживание, сочувствие тому, что произошло. Боль общественная в данном случае воспринята как своя.

Можно ли говорить о влиянии старшего поколения мурманских писателей на стихи молодых мурманчан? Безусловно. Причем сразу на двух уровнях: собственно поэтическом и личностном. Современные поэты Кольского Заполярья пришли в литературный мир Мурмана, когда круг людей, профессионально занимающихся словом –

литературная среда, здесь уже существовал. Он был очень узок тогда, он узок и сейчас, но это была та среда, в которой каждый из молодых обрел помощь и поддержку, это был тот воздух, который обязательно необходим каждому из начинающих писать.

Писательская организация, литобъединение стали тем местом, где молодых приняли как своих. Сюда можно было приходиться запросто: пообщаться с людьми, чувствующими слово, почитать стихи. Это очень важно. О поэзии здесь спорили взахлеб – резко, эмоционально, горячо, разбирали стихи – досконально, тщательно. Крепко доставалось и достаётся здесь и молодым, и уже признанным авторам.

Поэтому влияние, конечно, существует. Как поэтическое (самый яркий пример в данном случае – Александр Рыжов, многие стихи которого были написаны в подражание Николаю Колычеву, с колычевского голоса), так и человеческое. И в том, что мы сегодня можем говорить о новом поколении мурманских поэтов как о чем-то состоявшемся – немалая заслуга «стариков».

Начнем с поэтов, работающих в традиционной манере. Уже упоминавшийся Александр Рыжов – самый молодой член Союза писателей среди мурманских мастеров слова. При этом – сложившийся профессионал с собственным, вполне сформировавшимся корпусом стихотворений, серьезными достижениями в области русской прозы. Рыжов сегодня, как мне представляется, один из лучших писателей Кольского Севера.

Так уж сложилось, что около десяти прозаических книг Александра – сработанных в разных жанрах (фэнтези, ретродетектив, документалистика), увидевших свет в Москве, чуть заслонили от читателей, отодвинули на второй план Рыжова-поэта. А жаль... Стихи оленегорца не менее интересны, а для целостного понимания художественного мира писателя, возможно, более важны, чем его прозаические опыты. Ведь начинал он именно как поэт. И очень талантливо начинал – это было очевидно уже по первым его книгам – «Вкус тишины», «Снег пречистый» и «Лунная полынья».

Хронологически он принадлежит к последнему поколению советских поэтов. Как он сам определил в одном из лучших своих стихов:

*Великих руин наследники,
Недорасцветшие гении...
Старее мое последнее
Советское поколение.*

«Как поэт он развивался очень последовательно: это было ровное, поступательное движение от простого к сложному. Прилежное ученичество. ...Учителей себе он выбирал хороших – Маяковский, Гумилев, Северянин. Делать стихи «а-ля» он научился быстро. Заимствование у великих в ранних стихах было очевидно – и в первой книге («Вкус тишины», 1996), и во второй («Снег пречистый», 1998). Как любому молодому поэту, Рыжову необходимо было искать свой голос, свою тему. Это гораздо сложнее, чем упражняться в версификаторстве. А главное – этому никто не научит. Это только твое – твой путь, твоя судьба...» – так писал я о Саше в конце девяностых, уже тогда отмечая, что плоть от плоти свои стихи были у него и в первой книге, но было их немного.

Он сам об этом написал очень точно, словно бы в ответ на тогдашние мои размышления: «Это не голос, а только набросок голоса...»

Думается, обретение Рыжовым голоса – своего, ни на чей другой не похожего, произошло где-то на рубеже веков, в конце девяностых. Стихи стали иными – в них стало заметно меньше игры, но больше жизни, собственной крови – всамделишной, не бутафорской. А теперь дослушаем то стихотворение, первую строчку которого я процитировал чуть выше.

*Будь это даже не голос, а только предчувствие,
Вы за него заплатили бы собственной кровью?
Благ ли земных или пропуска в вечность
я буду лишен потом –
Только пускай будет теплиться, словно лампада,
Голос... полголоса... четверть тишайшего шепота...
Мне за терпенье ниспосланная награда.*

Основу поэтических книг Рыжова, вышедших из печати в новом столетии, – «До свиданья, Бетховен!» и «Копье неандертальца» – составили те вещи, которые видятся мне той самой «наградой» за «терпенье» – подлинно свои, в которых звучит авторская интонация, тот самый голос, единственный, неповторимый.

Мне представляется, что подлинным, мощным прорывом к новому качеству стал для него цикл стихотворений, который сам Александр обычно называет «Святославовым». Действительно, внешне эти стихи обращены к истории, чаще всего – истории Древней Руси. Впрочем, назвать их в полной мере историческими, замкнутыми в ограниченное пространство отдельной темы нельзя. Это диковинный, своеобразный сплав прошлого и настоящего, характерный для современной поэзии, ког-

да, как отмечают критики, в столичном подземном переходе можно запросто столкнуться с Малютой Скуратовым. Это сблизает Рыжова с замечательным поэтом Юрием Кублановским. В новых стихах Александра поражает та же сопряженность, взаимопроникновение различных временных слоев. Его лирический герой не просто слушает птиц, но отмечает про себя, что «птичьих трелей больше, чем ратников в воинстве Кончака», а небо для него «как Святославов череп, окованный серебром, Из коего хлещет брагу неистовый печенег». Образ его – едва ли не эпический по тональности: черенок его лопаты «грозно нацелен ввысь», а за простой его работой скрыт некий иной, таинственный, почти сакральный смысл. И слышит он – «то ли заступа скрип, то ли пращуров тихий стон»:

*Слышишь? Лес шелестит,
словно шумные князьки стяги.
Можно, землю копнув,
отыскать меж вальяжных дынь
Половецкий кинжал или желтую кость варяга.
То ли заступа скрип, то ли пращуров тихий стон...*

Ныне живущая в Мурманске кандалакшанка Елена Рыжлова в литературу пришла со своей темой – темой материнства, отчетливо заявленной еще в первой ее книге «Родился сын! Савелий!».

По сути, автор предлагает нам идеал современной русской женщины, пережившей предательство и разлуку («любя, обману вопреки»), но выстоявшей в житейскую стужу, ставшей нежной и заботливой женой, при этом достигшей успеха и на профессиональном поприще. Доказательством последнему как раз таки и служат некоторые ее последние стихи. Как писатель, Рыжлова – сложившийся профессионал. Ремеслом она владеет, со словом управляется не просто умело, а порой по-настоящему виртуозно. Однако содержание все же важнее формы...

Образ женщины, который представляла нам Рыжлова в своих первых книгах, и очаровывал, и удивлял. Ее лирическая героиня там искренне верит в Бога, у нее не менее двух детей и любимый муж, которому она и не думает изменять («Уважаю однолюбов: //по другим метаться глупо, // будет все одно и то ж – //страсть, привычка, слезы, ложь... // Но куда как интересней //открывать в любимом бездну, //слышать из любимых губ: // – Я рыжоваленолюб!»). Скажете, не бывает таких? А вот бывают... Убежден, именно на таком примере и следует воспитывать современную молодежь.

Несколько стихотворений Рыжловой написаны мужской рукой, с неженской силой, в первую очередь «По сути, настоящее паскудство...», «Уходят мои друзья» и некоторые другие. Странно, что основу новой, увидевшей свет в прошлом году книги поэтессы «Китайская принцесса» составили не они, а стихи иного рода. Странное превращение случилось на страницах этого сборника с автором – безусловно, талантливым, интересным, но будто потерявшим ориентир, сбившемся с фарватера в океан русского поэтического Слова. Подлинные жемчужинки настоящей поэзии вроде «Собачьей радости» и «Оградки, все одни оградки» там почти вызывающе сочетаются со стихотворениями из разряда женской поэзии самого дурного толка. Звучит это порой даже не пошло, а отчетливо пошло. Ощущение, что то самое необозримое пространство – океан поэтический – вдруг сузилось если не до носового платка, то до квартирного мирка в жестких рамках четырех «хрущобных» стен.

Новая звездочка на поэтическом небосклоне Мурманска – апатитчанка Елена Штурнева. Захечь её, заставить гореть ярко, кстати, помог «Север» – Елена стала одним из лауреатов объявленного журналом конкурса «Северная звезда». Штурнева – явление в мурманской поэзии в значительной степени уникальное. Она начинала с верлибров. И хоть сейчас и пишет, как правило, традиционные, рифмованные вещи, но мыслит по-прежнему в режиме свободного стиха – очень раскованно и рискованно. Должен сказать, постепенный переход Штурневой от верлибров к рифмованной поэзии наглядно демонстрирует возможности русской рифмы. У нее и верлибры встречались очень и очень неплохие, но лишь «встречались». Когда в стихах появился четкий ритм и рифмы, они, как мне представляется, стали гораздо более цельными и глубокими – словно автор обрел твердое основание, землю под ногами и встал на нее – уверенно и надежно.

Мягкая, тонкая, на полутонах лирика Штурневой – очень нежная, но с трагической ноткой внутри. Этот образ ангела смерти порой едва уловим, но присутствует почти всегда, даже в самых светлых стихах Елены. Вот как здесь, например:

*Увидеть первый одуванчик и – заплакать.
А он, бродяга, желторот, желтоголов.
Глоток воды, живая хлеба мякоть:
ведь мир до боли прост, понятен и суров.*

*Не нужно ничего, лишь подойди поближе
и, руку протянув, погладь по голове
отца, ребёнка, друга. Так и солнце нижет
на ниточку любви росинки на траве...*

Она всё убеждает читателя, что «всё тише жизни голосок». Но – жизнь! Но – свет. Может быть, не яркий, но – всепроникающий, неумолчный. Он – неотъемлемая часть поэзии Штурневой. Он – всюду. В листьях и веточках, о которых с такой теплотой и нежностью пишет автор, в «дрожащем свете фонарей», столбике мотыльков, что серебрятся на солнце, даже – в дворовой сценке, где «бомж подружку материт». Спасением от мрака в ее стихах часто служит родное слово, которое поэт воспринимает как основание русской жизни, как воздух, без которого – разруха и смерть:

*Приглажен, отутюжен,
спокоен алфавит.
А мне покой не нужен –
во мне весь мир болит.*

*Упрямо прорастают,
как сорная трава,
меж рёбер созревают –
спасением – слова.*

Вообще, тема поэта и поэзии, как мне представляется, одна из ключевых в стихах Штурневой, она звучит во многих ее произведениях – и в пейзажных зарисовках, и в отчетливо любовной лирике, и в редких для Елены портретных произведениях, и в почти сюжетных, неожиданных вещах вроде «Ангела Васи». Вообще, «Ангел Вася» – одно из недавних стихотворений Штурневой – кажется мне прорывом в новое для автора художественное пространство. На первый взгляд – сказка, но такая, где грань между выдумкой и реальностью почти незаметна. Миф, одним словом, причем очень интересный, живой... И герой – новый – этакий шукшинский «чудик» или рубцовский «добрый Филя», великий в своей детской простоте и первозданности.

После выхода в свет «Книги баллад» и сборника «Дым в разрезе» мурманчанина Александра Абрамова очевидно: и тематический диапазон, и владение техникой стиха указывают на то, что перед нами настоящий поэт.

Здесь и тонкие и точные городские баллады («На въезде в Мурманск...» и многие другие), и чувственные и вместе с тем очень светлые, жизнеутверждающие стихи о любви, и историческая

поэма о знаковых для нашего города и всей отечественной культуры святых Кирилле и Мефодии, и стихи о взаимоотношении двух культур, двух цивилизаций – Востока и Запада («О птицах»), и бытовые детали нашей нынешней жизни («Щедр и красив...»). О многом говорит и то, что две блестящие, выстроенные сюжетно истории посвящены людям старшего поколения – в них явно звучат искренняя любовь к этим людям, гордость за тех, кто отстоял нашу землю в Великую Отечественную.

Замечательно то, что в центре «Книги баллад» – родной для автора город Мурманск. Столица Кольского Заполярья, по сути дела, стала главным героем сборника – по этой книге можно путешествовать по мурманским улицам, они хорошо узнаваемы, зримо и с глубочайшей сыновьей любовью явлены нам автором. Это – новый, современный Мурманск – совсем не такой, каким он представлен в классических стихах Виктора Тимофеева и прозе Бориса Блинова.

Я мог бы долго говорить о технической стороне, причем не только о достоинствах, но и о недостатках. Потому как поэзия Абрамова – это, с одной стороны, обилие интересных, небанальных рифм (Абрамов нередко использует неоднородные, интересные рифмы) и сквозные образы (когда некий образный ряд пронизывает стихотворение насквозь, связывает воедино – таковы «В темени ночи...» и другие), а с другой – отсутствие рифмы вообще и прочие технические нелепости.

К сожалению, от его «Дыма в разрезе» больше разочарований, чем радости. Что там творится с рифмами! Их либо вообще нет, либо – кособокие ассонансные, которые, похоже, стали частью поэтики Абрамова. Пример? Да вот вам ряд: равнин – журавли, тронь – нутром, приснятся – мясом. Особенно порадовали песни – поэзии и печного – новость. И всё это – в одном стихотворении...

Да только ли с рифмами беда... Есть множество неплохих, в целом, стихотворений (внутри – по мысли и исполнению), но концовки там либо нет, либо она совершенно условная.

Еще одна бросающаяся в глаза печаль – риторика. Такого количества риторических стихотворений, основанных на словоговорении, порой совсем неживом, скучном, не припомню с советских времен. Какие-то лозунгово-газетные Эренбург и Симонов, только вместо коммунизма и СССР в строчки втиснуты Бог и Россия...

Вот так. Вроде бы мы имеем дело с мастером, однако это не помешало ему включить в сборник несколько отчетливо средних, а то и вовсе плохих

стихотворений вместе с последовательно выдержанной в традициях советской риторики поэмой «Родина».

Поэты-мончегорцы Сыпко и Трусов – классический литературный тандем: друзья-писатели, «всюду вместе, всюду – рядом» – не только в постоянном общении, но и в публикациях, и на выступлениях. Любопытно, оба областных альманаха – «Площадь Первоучителей» и «Мурманский берег» – регулярно публикуют и того, и другого, опять-таки, парой, «в комплекте». В общем, как в старом советском мультике, «двое из ларца», только вот «с лица» – не одинаковые. Да, поэтически они, к счастью, абсолютно разные.

Поэзия Григория Сыпко – это маскарад. Жизненное пространство, где существуют, живут и умирают его персонажи (паровозы и лесорубы, нелепые дуэлянты-офицеры, хирурги-психопаты, недотепы-летчики и безумцы-изобретатели, факельщики и электрики), порой напоминает шутовской балаган. Лиц там нет – одни маски. Но маски – живые, говорящие. Они служат автору, и надежно служат – для того, чтобы, используя атмосферу и язык балагана, дурачась, рассказывать о деталях и сути нынешнего нашего бытия. Удастся ли? Да, безусловно.

В некоторых его ернических, внешне – бессовестно-шутовских, совершенно несерьезных стихах, напоминающих порой отвязный студенческий стеб, нет-нет да и проявляется иное – и горечь, и радость, и темная, и светлая стороны нашей жизни. В лучших стихах Григория отчетливо ощутим, пробивается на свет сквозь внешнюю маскарадность и балаган тот высокий трагизм, которым была наделена поэзия лучших обэриутов – и Хармса, и Олейникова.

Конечно, строчка «Вырастай, сынок, бандитом!» – абсурдна и нелепа. А в качестве рефрена одного из стихотворений – это, наверно, абсурд в квадрате. Но ведь, простите, нелепость эта не с неба в стихи попала, она, к сожалению, часть мира, в котором мы очутились в постсоветскую эпоху, когда деньги, материальное благополучие стали в стране победившего российского капитализма едва ли не главной национальной идеей.

Гришу Сыпко читать не скучно. Его поэзия – вся! – пронизана юмором. Порой едим до сарказма, до неприличия, порой – мягким, тем, что ближе к иронии.

У Сыпко немало стихов про природу, про всяческих жучков-лаучков, зверей и птиц. Это, в общем, объяснимо и понятно, автор, как-никак, егеря Лапландского заповедника. И когда Григо-

рий пишет о печальной участи смельчака, рискнувшего пнуть медведя, ему можно верить безоговорочно – знает, о чем говорит. И все же, как правило, братья меньшие у Сыпко – лишь часть все того же маскарада, где под личиной какого-нибудь червячка ясно виден характер, типаж вполне человеческий. Кстати, Сыпко и в этом очень близок Николаю Олейникову. Читаешь стихи Григория про какого-нибудь «червячка», что «в норку – нырь, и был таков», и тут опять же вспоминаешь знаменитого олейниковского «таракана», который попал в переплет и вот уже к нему «вивисекторы спешат», и вскоре прусак этот станет не просто мертвым тараканом, но – мучеником науки.

Исследователи творчества Олейникова отмечали, что этот мотив – беззащитное существо, растоптанное жестокой силой, у него повторяющийся, переходящий из стиха в стих. Замечен в этом и Сыпко – у него тоже зверушкам порядком достаётся – и от людей, и друг от друга. Но вот ведь что характерно – у Григория братья меньшие нередко в противостоянии с грубой жестокой силой выходят победителями. Например? Ну хотя бы уже упоминавшийся червячок:

*Очень юркий червячок
Не сажался на крючок.
Он орал и отбивался,
Тщетно юный рыбакоч
Нацепить его пытался.
Тот крутился как волчок
И упал,*

и потерялся.

*В норку – нырь. И был таков!
Вот как надо, дети!
И теперь у червяков
Он в авторитете.*

Стихи Вадимира Трусова, повторюсь, совершенно иные. Если говорить о традиции, которой следует Вадимир, то здесь, конечно, никаких обэриутов. И в интонации, и в том, как поэт выстраивает стих – этаким рифмованный непрерывный поток сознания с обилием переносов – очевидно мощное влияние Иосифа Бродского, в целом так называемой «ленинградской» школы русской поэзии. Отсюда и длинноты, и утомительные, долгие размышления, подчас уводящие читателя куда-то совсем уж далеко от главной, стержневой идеи стихотворения.

Его лирический герой – человек из городских низов, но человек это не простой, с предыстори-

ей, с судьбой. Этаким интеллектуал из пивной. Колоброд, выпивоха, «задрыга-охальник», но способный «линию гнуть свою» – из тех, что никому спуска не даст (если по тексту: «алкаша, подонка и поэта Очень даже можно совмещать»). Он – максималист. Половинчатость не для него, «золотой середины» он не приемлет, у него, очень по-русски, все – без меры: если уж пить, так пить. Драка так драка, работа так работа – до седьмого пота, до одури. При этом он прекрасно понимает:

*На родимой стороне,
Кроме Ваньки и Емели,
Целиком фартовых нет.
Всякий третий, братцы, лишний.
Облизнувшись на калач,
Прикуси губу, счастливчик,
Знай себе терпи, не плачь.*

Очень важный момент – момент преодоления. В поэзии Вадимира Трусова он звучит непрестанно. Как бы ни было плохо – переживем, любую беду-злосчастье переждем. Что делать, если «сердце немеет, гадалки врут, да и себя не жаль»? Стоять. Держать строй. Даже когда «в перспективе только тюрьма с сумой гарантированы на «ять».

Вот ведь какая штука. Да, выпивоха, да, гуляка, но, как бы странным это ни выглядело, и – боец, и – воин. Автор и описывает его подобающе, как человека, «вспоровшего темноту штыками остреньких лопаток», «солдата промышленной зоны». Героя, способного пережить и собственные житей-

кие неурядицы, и тьму полярной ночи, и беды, что творятся с родной страной и родным краем:

*Среди живых, отныне и впредь,
Мне хочется линию гнуть свою.
Она на север ведет, а юг
Умеет быстро надоедать.
Пустынное царство снега и льда
Моя обитель. В теплом миру
Вить аксельбантом полярный круг
И не мечтайте. Вам не понять
Прозрачной силы вечного дня,
Что с вечной ночью напололам.*

Вот эта упрямая фраза – «Мне хочется линию гнуть свою», как мне представляется, не случайна. Это не оговорка, не отстраненная от жизни причудливая фигура речи. Это звучит как жизненное кредо, как клятва, своего рода зарок. Естественный для поэта. Единственно возможный, если, конечно, не боишься разменять ниспосланный свыше дар на медяки. Мир привычно испытывает талант на прочность, на верность поэзии и родному слову. И дай Бог тем, о ком я сегодня рассказал, дай Бог всем нам, русским поэтам, твердости в этом противостоянии. Дай Бог сил «линию гнуть свою» – до конца, как написал когда-то Николай Рубцов, «до смертного креста».

□

Дмитрий Валерьевич КОРЖОВ

родился в 1971 году.

Поэт, прозаик, литературный критик.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Член Союза писателей России.

Автор многих книг.

Публиковался в журналах «Роман-газета XXI век»,

«Московский вестник», альманахе «Братина», «Аврора»,

«Десна» (Брянск), «Странник» (Саранск), в журнале «Север».

Живет в Мурманске.

